

На все увещания император отвечал лишь двумя иероглифами: \*\*«Отклонено»\*\*.

Один из цзяньюйши (императорских цензоров) бросился на колени прямо в зале аудиенций и, готовый умереть, воскликнул:

— Ваше Величество! Неужели ваш указ ничем не отличается от приказа закопать заживо? Как оценят это потомки?

Император ответил вопросом:

— Если некая вещь превращает нормального человека в скотину, которая не узнаёт собственных родителей и поднимает на них нож — достойна ли она существовать? Достойны ли смерти те, кто распространяет подобное?

Цзяньюйши нахмурился:

— Разумеется. По закону убийца платит жизнью, а убийца родных — тем более.

Тогда Священный Предок обратился ко всему двору:

— А если эта вещь ещё и подчиняет разум, разрушает тело, и избавиться от неё можно лишь через смерть? Что, если однажды враг нападёт, а народ Дашэн уже будет внутренне истощён и разложен? Кто тогда встанет на защиту? Кто сможет сражаться? Разве не следует запретить эту заразу?

— Конечно, следует! — воскликнул цензор. — Великая империя Дашэн не должна пасть жертвой такой нечисти!

— Вот именно, — холодно произнёс император. — «Трава опьянения бессмертных» — это и есть та самая зараза. Это не просто ядовитое растение, как вы думаете. Это — зависимость духа, война без выстрелов.

Жители уезда Уйинь поначалу были обмануты. Это — моя вина, я не проявил должной бдительности. Но прошло три года. За это время они стали соучастниками и выгодоприобретателями.

Эту траву сажали они. Из неё делали благовония — они. Они же и сами употребляли её. Разве можно снять с них вину одним лишь словом «обманули»?

Богатство ослепило их. Они добровольно стали сообщниками. Сколько семей погибло из-за них? Это был их выбор. И за выбор — расплата.

Поэтому я не сделаю ни шага назад. Я хочу, чтобы каждый знал: «травя опьянения бессмертных» — запрещена. Возможно, вы сейчас не понимаете. Но я молю Небо, чтобы этот день, когда вы поймёте её силу, никогда не настал.

Что до летописей — пишете, как хотите. Мне всё равно. Лучше бы вы описали всё как можно страшнее, чтобы каждый будущий гражданин знал: к этой вещи нельзя прикасаться. А если кто-нибудь сложит детскую песенку и передаст её из поколения в поколение — будет ещё лучше.

Кстати, об этом запрете... Я издам особый указ и завещаю его как «семейную реликвию» всем будущим императорам Дашэн. Ни один правитель не имеет права его отменить. Кто осмелится — того я не признаю своим преемником.

\*\*\*

В зале аудиенций раздался коллективный вдох.

Чиновники переглянулись: неужели Священный Предок только что установил, что любой будущий император, посмеявшийся отменить этот запрет и допустивший распространение «травы», автоматически ставит под сомнение легитимность своего трона?

Если так — то этот указ стал не просто законом, а железной скрепой, повешенной над тронном потомков. Красной чертой, которую нельзя переступить!

Увидев реакцию двора, нынешний император нахмурился: «Беспорядок... Полный беспорядок!»

А вот в тёплых покоях Ли Чжао энергично кивал:

— Идея неплохая.

Мин Чжэнь, глядя на его горящие глаза, покачал головой:

— Метод радикальный, но полностью зависит от воли будущих правителей. Если она окажется слабой — указ станет пустой формальностью и породит новые беды.

Ли Чжао задумался, но ответил без колебаний:

— Ну и что? Если угроза недостаточна — значит, у того императора недостаточно хватки.

— Если настанет день, когда «трава» вновь заполонит землю, а власть окажется бессильна, — продолжил он, — но указ всё ещё будет жить в памяти народа, обязательно найдутся люди, готовые встать на защиту государства.

Он помолчал, затем легко улыбнулся:

— К тому же, раз ведущий Небесного Экрана говорит, что будущее — чистая земля, значит, «трава» так и не распространилась.

Он повернулся к Мин Чжэню. Его глаза, ещё недавно полные тяжести, теперь светились искренней радостью:

— Видишь? Ему удалось. Я... очень рад. И думаю — мне тоже удастся.

Мин Чжэнь слушал его слова — полные надежды и уверенности — и смотрел в глаза, где отражались и мерцание Небесного Экрана, и его собственный образ. Все размышления о рисках и ценах в этот миг растворились.

Он провёл пальцем по уголку глаза Ли Чжао:

— Конечно. Я никогда не сомневался.

Один человек принял на себя всю решимость, чтобы подарить миру сто поколений спокойствия. И тот, кого показывал Экран, сделал это без малейшего колебания. Но за этими лаконичными строками, которые Экран произносил так легко, сколько давления, непонимания и нападок пришлось вынести ему в одиночку?

— А? — Ли Чжао внезапно оказался в объятиях и удивился. — Зачем ты меня обнимаешь? Эй, парень, мы же серьёзным делом заняты. Не смешивай службу с личным.

Он бросил взгляд на окно и понизил голос:

— Да и окно открыто... Вдруг кто увидит...

Мин Чжэнь последовал его примеру, приблизившись так близко, что тёплое дыхание коснулось уха:

— Что? Неужели его высочество принц Жуй испугался?

— Испугался? — брови Ли Чжао взметнулись. Он хитро усмехнулся: — Я просто переживаю, вдруг мой будущий тесть вернётся и застанет нас в таком виде... Старик может не выдержать шока.

— «Тесть»? — Мин Чжэнь чуть сильнее сжал его в объятиях и пристально посмотрел на озорника в своих руках.

— А что? Тебе не нравится? — Ли Чжао вызывающе вскинул подбородок.

Мин Чжэнь, видя его дерзкую мину, лишь вздохнул с улыбкой:

— У тебя пока и половины свадебного договора нет. Откуда тебе тесть?

Ли Чжао удобно прижался к нему и стал смотреть в окно, где метель уже стихала:

— Не торопись. Мы будем писать его медленно. Рано или поздно выведем эти два штриха — «пи» и «на» — чётко, ровно, без единого изъяна.

Он помолчал, потом повернулся и серьёзно сказал:

— Но правда... Пока тебе придётся потерпеть. Сначала я улажу дело с отцом-императором, потом займусь правым канцлером. А уж потом — восемь носилок, свадьба по всем правилам.

Мин Чжэнь замолчал. В груди разлилась тёплая волна, но в глубине души что-то странно заныло — будто бы не совсем правильно, не совсем... естественно.

Сам Ли Чжао тоже почувствовал неладное. Он моргнул:

— Погоди... Почему эти слова звучат так знакомо?

Они переглянулись — и почти хором произнесли:

— «А Чжао, не кажется ли тебе, что это очень похоже на фразу из той книжонки „Плач мандаринок“, которую ты недавно листал?»

— «Ха-ха! Да это же классическое заявление негодяя!»

После этих слов они уставились друг на друга — и одновременно расхохотались.

Ли Чжао смеялся до слёз, откинувшись на Мин Чжэня:

— Мин Чжэнь, Мин Чжэнь! Если я — изменник из романтической повести, то ты — наивная дочь чиновника, обманутая моими сладкими речами! Ццц... Искусство и правда рождается из жизни. Авторы не врут!

Мин Чжэнь, не выдержав, помог ему выпрямиться и покачал головой:

— Хватит смеяться. Видно, эти книжонки совсем тебя развратили.

— Ты хочешь их конфисковать? — Ли Чжао поднял на него сияющие глаза, полные ожидания.

Мин Чжэнь не понял, к чему он клонит:

— Это твоё развлечение. Зачем мне их забирать?

Ли Чжао придвинулся ближе:

— Теперь наши отношения изменились. Я думал, ты начнёшь контролировать мои вкусы.

Уловив в его голосе нарочитое разочарование, Мин Чжэнь наконец понял его замысел. Он мягко поправил выбившуюся прядь волос у виска:

— Такие мелочи не стоят контроля. Читай, что хочешь. Только не учись у тех героев их скользким речам, чтобы обманывать меня.

— Как можно! Я же порядочный человек. Никогда тебя не обманываю. То было... случайно. Ты ведь понял меня, верно?

\*\*\*

Невольно хочется воскликнуть: **\*\*Слава Священному Предку!\*\*** Он вознёс свою волю над самой властью будущих императоров. Он воздвиг для потомков самый ясный ориентир — пограничный столб с надписью: **\*«Эта дорога ведёт к гибели государства. Проход воспрещён»\***.

Интересно, что тот самый прямолинейный историограф действительно последовал его желанию: каждое слово, каждый иероглиф, произнесённые Священным Предком в деле «травы опьянения», были записаны дословно.

Эти строки не только предостерегают потомков, но и позволяют нам увидеть пронизательность и решимость императора, опередившего своё время. Более того, историограф даже сочинил для него простую и запоминающуюся детскую песенку — и, как и желал Священный Предок, она действительно вошла в народ.

Хотя в этом деле император и проявил жёсткость, он дал двору чёткое объяснение: приказал провести эксперимент на мышах, демонстрирующий зависимость от «травы», а также велел Цзинь Вэй доставить из уезда Уйинь одного глубоко зависимого человека.

Когда перед чиновниками предстали живые картины безумия и агонии мышей, голоса протеста в зале аудиенций постепенно стихли. К счастью, заговор с «травой» был раскрыт уже через три года и не успел охватить всю страну.

После этого дела Священный Предок провёл масштабную реформу таможен: любым частным судам строго запрещалось ввозить заморские семена и живые организмы. Нарушителям грозило пожизненное лишение права выхода в море и суровые штрафы.

Даже правительственным кораблям предписывалось проходить строжайшую проверку в порту Фусан. Только после подтверждения безопасности груза разрешалось ввозить его на территорию Дашэн.

После повсеместного внедрения новых высокоурожайных культур население империи начало быстро расти. Благодаря политике освоения целины, улучшения сортов и расширения границ, площадь пахотных земель за правление Священного Предка удвоилась, производительность сельского хозяйства резко возросла — империя уверенно вступила на путь превращения в

**\*\*аграрного Ктулху\*\*.**

Даже в годы великой засухи, когда урожай был почти полностью уничтожен, миллионы людей выжили благодаря таким культурам, как сладкий картофель — терпимому к засухе и дающему высокий урожай. Массовых голодных смертей больше не происходило. Имя Священного Предка — поистине заслуженно.

\*\*\*

«Значит, больше не будет ужасов вроде обмена детьми ради еды?» — подумали многие старые чиновники, пережившие хаос конца прежней династии и видевшие, как дороги устилала трупы от голода. Если это так — то заслуга поистине неоценима.

— Рост населения, расширение пахотных земель, спокойное преодоление бедствий — всё это достойно занесения в летописи! — вздохнул один из старцев, поглаживая бороду.

— И строгий контроль на таможне — необходим, — добавил другой, суровый чиновник. — Небесный Экран чётко показал: «трава» — кровавый урок, а новые зерновые — живое доказательство пользы. Всё, что приходит из-за моря, может быть как благом, так и бедой. Нужно быть предельно осторожным и тщательно проверять.

Третий, с добрым лицом и печалью в глазах, покачал головой:

— Вы правы... Но методы Священного Предка были слишком жестоки. Не все жители Уйиня были безнадежно испорчены.

— Ты, старый педант, совсем непробиваем! — возмутился первый. — Разве нужно дожидаться настоящего ада на земле, чтобы поверить? Кто колеблется в решительный момент — сам становится жертвой!

Спор уже накалялся, но молчавший до сих пор чиновник мягко вмешался:

— Хватит спорить. Есть же Небесный Экран — он предупредил нас заранее. Значит, беды с «травой» можно избежать.

— А нынешний принц Жуй вряд ли станет применять такие жестокие меры. Зачем нам тратить силы на события, которых, возможно, и не случится?

— Верно, так и есть.

Тем временем чиновники в прибрежных портах и морских управлениях чувствовали, как на плечи легла тяжесть в тысячу цзиней. Небесный Экран явно намекал на них. В ближайшие дни им предстояло проявить крайнюю бдительность.

Пока не придут чёткие указания из столицы, все морские заставы должны быть запорты наглухо — крепче железной бочки. Если вдруг пропустят что-то запретное... стоит вспомнить методы нынешнего императора и будущего Священного Предка — и становится не по себе.

Однако в сердцах некоторых чиновников уже теплилась и другая мысль: раз Небесный Экран указал на путь поиска заморских культур на благо государства, почему бы не опередить других и не найти для□□ такие сокровища, как кукуруза или сладкий картофель? Это была бы неслыханная заслуга! Риск и возможность шли рука об руку.

\*\*\*

«Ну что ж, на сегодня наша рубрика „История в лицах“ подходит к концу. Надеюсь, вас тронула та неразрывная связь между Священным Предком и министром Мин, что пережила даже смерть? Во всяком случае, мой шестое чувство пищит без остановки: \*\*пара Ли-Мин — это правда!\*\*»

Говорят, археологи уже используют высокотехнологичные методы для неразрушающего исследования гробницы Священного Предка. Очень надеюсь, что учёные приложат максимум усилий — вдруг завтра нас ждёт сенсация?

Анонс следующего выпуска: \*\*„Боевые подвиги Священного Предка“\*\*. Подсказка: следующая тема немного... \*(нельзя сказать)\* литературная. Конечно, здоровые отношения между Священным Предком и министром Мин — это прекрасно. Но... \*\*ждите!\*\*»

\*\*\*

В тёплых покоях Ли Чжао с удовлетворением кивал при словах «пара Ли-Мин — это правда» — ведущий действительно обладал точным радаром. Но тут же его бросило в холодный пот от загадочного «но...» и намёка на «\*(нельзя сказать)\* литературу».

«Что он задумал?! Как можно так быстро менять лагерь? Разве о таких вещах можно говорить вслух?!»

Он уже почти видел, как его свяжут с кем-то другим — и как палка для наказания сыновей уже занесена над его спиной отцом-императором.

А ведь у него ещё и \*\*парень\*\* появился! Только что подтвердили отношения — свежая, хрупкая любовь... Мин Чжэнь — человек разумный и спокойный. Он ведь не станет придавать значения этим глупым домыслам... \*\*Правда?\*\*\*

— А Чжао, что с тобой? О чём задумался? Лицо у тебя... очень выразительное, — раздался голос Мин Чжэня.

— А? Ничего! Ты что-то сказал? — Ли Чжао очнулся и постарался выглядеть невозмутимо.

Мин Чжэнь подошёл ближе, мягко обнял его в луче света у окна и, слегка усмехаясь, медленно спросил:

— Я спрашивал: А Чжао, не догадываешься ли ты, о ком именно идёт речь в следующем выпуске под этим самым «нельзя сказать»? А?

Спина Ли Чжао мгновенно напряглась. Он решительно заявил:

— Откуда мне знать? Кто бы там ни был — всё это выдумки! Абсолютно невозможно!

— Да? — Мин Чжэнь приблизился ещё на полшага, всё так же улыбаясь. — Тогда почему ты так нервничаешь? Неужели считаешь меня таким узколобым ревнивцем?

— Никогда! И я вовсе не нервничаю! — Ли Чжао категорически отрицал, но взгляд его уже метнулся к окну.

И вдруг его лицо исказилось ужасом. Он резко оттолкнул Мин Чжэня и молниеносно юркнул в соседнюю комнату.

Мин Чжэнь: «.....?»

Он проследил за его взглядом — и увидел, что во двор вошёл его отец и направлялся прямо к тёплым покоем.

Всё стало ясно. Похоже, кто-то чувствует себя **\*\*очень\*\*** виноватым.

Мин Чжэнь невозмутимо поправил складки на одежде, смятые при толчке, и спокойно вышел навстречу:

— Отец.

— Хм, — правый канцлер вошёл в покои и внимательно посмотрел на невозмутимое лицо сына.

— Где принц Жуй? Император прислал гонца — повелел немедленно явиться во дворец.

— Его высочество уже покинул особняк через боковые ворота, — ответил Мин Чжэнь без тени смущения.

— Хорошо. Передам у входа.

Затем канцлер пристально посмотрел на сына — того самого, кто всегда приносил ему лишь

гордость, — и тихо спросил:

— Жалеешь?

Мин Чжэнь поднял глаза:

— Отец, если вы о том, что я настоял на земельной реформе и внедрении новых культур — нет, не жалею. Это политика милосердия, что приносит пользу миллионам и закладывает основы процветания.

Он помолчал и добавил:

— Я жалею лишь о том, что недооценил коварство аристократических кланов и не сумел лучше защитить себя. Это моя ошибка.

— Аристократические кланы? — канцлер нахмурился. — Ты забыл, что и сам родом из такого рода? Разве не знаешь, что благополучие и падение — общие для всех?

Голос Мин Чжэня остался ровным:

— Но разве вы сами, отец, не покинули род, чтобы служить императору, именно потому, что увидели гниль в старых аристократических семьях и не захотели быть частью этой порчи?

Правый канцлер замолчал. Возразить было нечего. В конце концов, он лишь похлопал сына по плечу и с гордостью сказал:

— Ладно. Молодец. В тебе действительно есть черты моего характера.

Он махнул рукой, и лицо его вновь стало суровым:

— Я ещё не стар. Если эти семьи осмелились ударить — пусть знают: род Мин не из тех, кого можно обижать.

С этими словами он развернулся и ушёл.

Когда его фигура окончательно скрылась, Мин Чжэнь повернулся и постучал в дверь соседней комнаты.

<http://bllate.org/book/17167/1607629>